

Секция «Политические науки»

**Париж и Великая французская революция: структура трансформации
политического пространства города**

Рой Дмитрий Алексеевич

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский

факультет, Киев, Украина

E-mail: ProstoRoy@gmail.com

Три гипотезы, три условия лежат в основе и создают теоретический фундамент данного исследования.

Первая гипотеза – это стержневая идея относительно молодой дисциплины политических наук – политологии города (Urban politics). Смысл ее – в понимании города как места реального политического действия, как первого среди «политических пространств». Поддерживая мнение, что политические и властные отношения существуют на всех уровнях социальных структур (они безнадежно «облучают» общество), мы все же настаиваем, что именно города, как минимум, – узловые центры принятия политических решений и действий. Таким образом, не «государственно-национальный», а «урбанистический уровень» определяет стиль, характер и вектор политического действия.

Вторая гипотеза – это концепт «политического пространства». Политика обладает определенными свойствами – темпоральности, локализации и предметности. То есть, политика, как действие, (1) существует на определенной временной протяженности, (2) выполняется исходя из «конституции» определенного политического ландшафта, где собственно политический акт локализуется и (3) обязательно имеет предмет своего воздействия. Второе свойство – «локализации политики», собственно, и есть доказательство существования политического пространства, которое определяется как институциональная, социальная и культурная модель мира (среда обитания), где производятся политические и властные действия.

Третья гипотеза – это идея «политической трансформации». Мы рассматриваем революцию как процесс, ведущий к качественной трансформации «ткани общества» – политического пространства.

Задание данного исследования – (1) проследить структуру трансформации политического ландшафта Парижа (а таким образом, и всей Франции) посредством событий Великой французской революции, опираясь на прежде озвученные гипотезы, и (2) доказать «первенство политики города» над государством.

Политическое пространство города. Прежде чем понять структуру трансформации, надо обозначить специфику политического пространства города: границы, особенности. Его рубежи – это географическо-административные границы, в рамках которых действуют или располагаются определенные не только муниципальные, но и общегосударственные (или глобальные) политико-управленческие институты. Но, в первую очередь, город – это наиболее конкретное политическое пространство для «неформальной политики» нежели то, что мы имеем на национальном уровне, где политика нуждается в существовании формальной системы (избирательная, судебная система) и которая «прячет», «делает невидимыми» неофициальных участников политического

процесса. Политическое же пространство города включает этих «невидимок» в сферу политического участия, не требуя при этом проходить через систему «цензуры политического права» - выборов.

Город – декорация революции. Революции «играются на подмостках» города. Именно это «политическое пространство» становится определяющим для всего государства: не подданные Французской короны «от Кале до Марселя», а именно «парижане» спровоцировали, создали и отыграли революцию. Более того, именно проблемы и происшествия столицы Франции становились предложениями, причинами, как начала революции, так и каждого ее последующего значительного политического события. И, как в этом сюжете истории, так и последующих революциях – именно дефицит продовольствия, стагнация реформ в городе (Париж-1789, Петроград-1917), а не во всем государстве, являлись предложениями начала революции.

Структура трансформации. Революция не просто заменила политический строй (монархию поменяла на республику, а потом и на империю), – она абсолютно преобразовала всю ткань общества: кардинально и безвозвратно изменила социальные, правовые, политические, экономические отношения.

(I) От королевских резиденций к улицам: политическая актуализация города. Париж до революции едва ли был подлинной столицей Франции – эту роль уже более столетия исполнял Версаль. В истории политики этот этап можно назвать «эпохой резиденций», так как не только французский король предпочитал управлять страной на расстоянии от города. Дальность от города уберегала его от опасности восстания и политического давления со стороны любого из сословий. Одним из первых требований революции было именно возвращение монарха в Париж. И здесь повторилась история времен Фронды, когда уличные толпы заново начали играть определяющую роль в государственной политике, активно «шантажируя» короля беспорядками в Париже.

(II) От королевской деспотии к городской: тотализация политического пространства. Абсолютизм – это своего рода форма «политического персонализма». Франция, утратив «персонализм Версаля», приобрела «персонализм Парижа». Хотя революция и началась с требованиями «права на самоуправление» (даже Париж этого права не имел), децентрализации, но, как только, к «парижанам» вернулась власть над королем, а позже и над Конвентом – вопрос о распространении этого права для других городов или провинций отпал. Политическое пространство Парижа тотализировалось и распространялось на всю Францию: отныне воля парижан – это автоматически воля всех французов.

(III) От «фронды» к «клубам»: новая политическая институализация общества. До этого во Франции существовала только одна реальная политическая сила в противовес королю – это Фронда, объединявшая сословие дворян и Парижский парламент. Но дворяне, в отличие, от своих английских собратьев, из-за абсолютизма, были лишены политического опыта. Французская революция создала не только понятие «профессиональных революционеров» (чем не «профессиональный политик» Вебера?), но начала конструировать и «партийную систему» Франции, – появились политические клубы: якобинцев, монтепьяров и т.д. В современной политической истории, Дантона, например, можно назвать первым «политическим боссом», продвигавшим вместе с собой целую «политическую машину» коллег и друзей. Для города же новая политическая институализация общества повлекла за собой не только создание из Парижа

«сильного политического центра», но она изменила даже саму «политическую карту» города, обозначив на ней появления множества новых «публичных пространств».

(IV) От сословий к классам: новая стратификация общества. Французская революция произвела качественное изменение социальной структуры общества – исчезли «формально» привилегированные. От юридических категорий «дворянин» и «духовенство» борьба на политической арене перешла, по происхождению, к экономическим понятиям классовой теории. Хотя именно борьба между сословиями начала революцию, но закончила ее «классовая борьба». Теперь третье сословие, отстаивавшее свое право на политическое право и управление, оказалось разделено на правящую буржуазию и санкюотов (отстраненных от управления после казни Робеспьера). Таким образом, революция, разобравшись со старой социальной проблемой сословий, создала новую – социально-экономическое неравенство внутри непривилегированных. В городе оно проявилось в появлении трущоб и «респектабельных районов».

(V) От «права сюзерена» к «правам личности»: конституализация обязанностей. Именно «две революции подряд» (Американская и Французская) создали моду на «декларации» и «конституции». Другое дело, что вопрос «конституции» так и не был решен Французской революцией. Но для нас более важный результат Французской революции в сфере прав человека – это «Кодекс Наполеона». Он кардинально повлиял на юридическую науку и практику по всему миру: право монарха «на арест» было заменено постановлениями прокуроров и судей. Отныне появилось само понятие «общей военной повинности», не существовавшее при монархиях. Единоличная «обязанность монарха» соблюдать «счастье народа», при «локковском условии» жертвования правами была заменена юридически закрепленными обязанностями обеих сторон. Государство обязалось соблюдать права личности, а «личность», в случае чего – «спасти республику».

(VI) От «подданства» к «нации»: новые формы политической идентификации. Важнейшей трансформацией, повлиявшей на мировую историю и политическую теорию последующих двух столетий, стало возникновение понятия «нация». Изначально это понятие имело не этнографический характер, как сейчас, а, в первую очередь, – социальный. Сиейест, впервые актуализировавший это слово в политическом дискурсе в своем труде «Что такое третье сословие?», обозначил данное понятие как «непривилегированные». Таким образом, он хотел исключить из политического участия именно дворян и духовенство, как «отдельный народ». Изначально, «нация» даже включала в себя иностранцев. Позже, еще при жизни Сиейеста, понятие трансформировалось, сначала в «патриотизм», а после – окончательно приобрело современное «этнокультурное значение». Но «нация», с одной стороны, сделала Париж реальным центром государственной политики, а с другой стороны уничтожила «самоидентификацию парижан», особенно после нивелирования влияния Парижской коммуны на революцию.

(VII) От «мундира» к «фраку»: демилитаризация облика политики. Раньше (хотя, относительно, кое-где это сохраняется и по сей день) политика «имела лицо военного» – основные должности в стране занимали именно офицеры. Но кардинально такое положение дел изменила именно Французская революция. Отныне, даже генералов армии (Лафаета, Бонапарта), назначали на государственные должности не из-за их влияния в армии. Более того, как доказал референдум «за империю», именно армия Наполеона была его слабым звеном и оппозицией. Сам же император носил военный

мундир исключительно во время кампаний, в цивильное же время надевал костюм первого консула. Революция, в итоге, изменила сам облик политического лидера, политика: произошла трансформация от «доспехов и мундиров» к сегодняшним «костюмам и галстукам», так как «люди революции» в абсолютном большинстве были далеки от военного ремесла. Это привело к демилитаризации и самого Парижа, считавшегося, по мнению современников (до революции) «очень сильно охраняемым городом», где не возможны бунты.

В заключение. Великая французская революция, не просто взята как «иллюстрированный материал» для данного исследования. Данный сюжет истории в корне изменил, как и дискурс в политической теории, так и сам политический процесс. Более того, именно Французская революция повлияла на возникновение социальных наук, в том числе и политической, создав прецедент «свободы социально-политического выбора» благодаря первому яркому опыту участия обездоленных масс в политике. Но главный акцент данного исследования – в «едва слышном голосе» городского уровня политики в системе политической науки не смотря на то, что именно «урбанистический уровень», как было доказано, определяет стиль, характер и вектор политического действия государства, а на сегодняшний момент – и мира.